

Александр Адабашьян: «Лучшее антивоенное средство – это личная гигиена»

Режиссер телефильма «Азазель» рассказывает о компромиссах, на которые шел, снимая для ТВ, которое не любит

То, что вечером 10 марта вся страна прилипнет к экранам телевизора, было ясно заранее. Но масштабная PR-кампания накануне премьеры телефильма «Азазель» – первой экранизации первого романа Бориса Акунина – наводила на разные мысли. Слишком уж все хорошо складывалось: и сценарий сам автор писал, и режиссер (Александр Адабашьян) – известный эстет, и актеров собрали незаезженных, и саундтрек поручили лучшим русским рокерам... Короче, провал случился полный. О том, что собственно получилось – наша рецензия ниже, а о том, как к этому шло – рассказывает сам режиссер.

Наталья Ростова

С только раз в течение последней недели я повторяю одно и то же. Вряд ли вы будете оригинальны в вопросах, а я, соответственно, в ответах. Идея экранизации романа принадлежала Акунину, он же предложил мою кандидатуру в качестве режиссера. Вот так все и завертелось.

– Вы с готовностью согласились на это?

– Когда прочитал роман, тогда и согласился. Плюс – условия, относительно комфортабельные по сравнению с другими сериалами. Была большая смета, вполне удобные условия для работы, хороший контакт с автором. Интересно было и то, что я никогда прежде этого не делал.

– Вам вообще в каком качестве интереснее работать – режиссера, сценариста, художника?

– По образованию я художник, но мне все интересно. Про-

цесс всегда интереснее, чем результат. Если процесс предполагается интересный, тогда это интересно, а если какая-то работа мучительная, ориентированная только на блистательный результат – то нет.

– Как вы считаете, удался вам фильм?

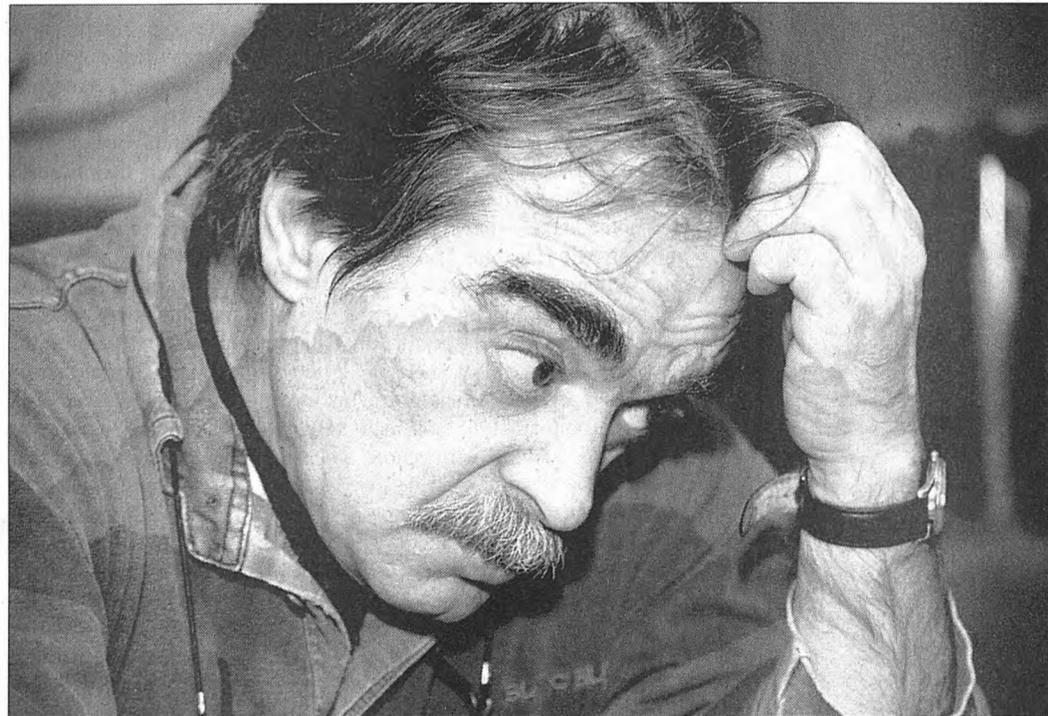
– О результате не мне судить. Как выразился Михаил Ильич

трел? Сложности с продюсерами – значит, надо было отказаться от работы. Все полностью в твоих руках. В том, что не получилось, нужно обвинять только себя самого.

– На какие компромиссы вы шли?

– Господи, да на каждом шагу. Начиная от ерунды – не та чашка, которая предполагалась,

чтобы эта идея была жизнеспособной, требовалась совершенно другая стилистика картины. Когда современные безголосые певцы поют русские романсы в современном, авангардном, электронном сопровождении, это требует другой изобразительной эстетики. Если то, что мы делали, – это стилизация XIX века, по возможности аккуратная,

Александр Адабашьян во всем винит только себя.

Независимая пресса - 2007 - 18 марта - с. 9.

Ромм, киносьемочный процесс – это последовательный ряд выходов и положений. При съемках было колоссальное количество компромиссов, на которые приходилось идти невольно, в силу специфики производства. Какими-то компромиссами доволен, какими-то нет. Во всяком случае, считаю, что удачи или неудачи любой картины – это стопроцентная либо заслуга, либо вина режиссера. Не нравился сценарий – зачем снимал? Актеры – зачем утверждал, куда смо-

Предполагалось снимать солнце – шел дождь. Кончая какими-то более серьезными компромиссами – с автором, продюсером.

– Вы имеете в виду историю с саундтреком, который не имеет отношения к фильму?

– В прямом смысле не имеет. Эта идея (выпуска саундтрека. – Н.Р.) возникла уже после того, как картина была в производстве. Я ничего не имею против этих конкретных исполнителей, просто считаю, что для того,

Фото Михаила Циммеринга (НГ-фото)

без всякого стеба и ерничества, то это никак не предполагает такой способ музыкального сопровождения.

– Это же нонсенс какой-то – саундтрек к фильму, в котором эти песни не звучат...

– Они звучат на финальных титрах, то есть все-таки присутствуют в картине. Другое дело, что они никак не соприкасаются с его действенной частью.

– Актеров молодых и нераскрученных?

– Для фильма требовались молодые, а молодых раскрученных актеров не бывает. Раскрутка предполагает некое время, а за это время актеры приобретают в возрасте. Не то, чтобы это была задача – снимать только нераскрученных. Этого ведь не скажешь ни про Неелову, ни про Басилашвили, Чонишвили, Безрукова.

– А где происходили съемки?

– То, что касается заграничные, – снималось в Чехии, все остальное – в Москве: в павильоне «мосфильмовском», в интерьерах реальных, на улицах.

– Вы не очень жалуете телевидение. Почему же все-таки

такого же свойства продукт для того, чтобы заработать опять и на эти деньги создавать такой же продукт для того, чтобы зарабатывать. Это бесконечный, замкнутый цикл. Никто не задает себе вопроса – для чего мы это делаем, ставится ли какая-то иная цель, кроме как заработать...

– Вы преподаете на Высших режиссерских курсах. Что пытаетесь донести до своих студентов?

– Самое главное, чему можно научить, – внятно выражать свои мысли киноязыком. Это как музыкантов учат играть гаммы, а детей – азбуке. Когда

– Сейчас меня очень интересуют курсы, мои студенты, то, как они снимают, развиваются. А изумила меня Олимпиада, было время ее смотреть по ночам. Это, можно сказать, одно из последних потрясений – то, что происходило там, и во что это все постепенно превращается.

– Политика вас совсем не занимает?

– Более или менее я слежу за происходящим. У меня к этому несколько философский подход. Я полагаю, то, что сейчас происходит, – это третья мировая война. Если не воспринимать войну как результат конкретных неудачных переговоров одного правительства с другим, а как эпидемию насилия, объективно возникающую, как всякая эпидемия. По этому принципу мы сейчас и живем. Единственный выход из всякой эпидемии – это личная гигиена. Не ходить на большие собрания людей (потому что эпидемия распространяется воздушно-капельным путем), не целоваться с кем попало, не пожимать руку кому попало, не есть из их тарелок, не пить из их чашек. Тогда можно сберечься, она пройдет сама собой. Другое дело, что это произойдет не скоро. В связи с тем, что война происходит сейчас не традиционным способом, когда стреляют из пушек и палят из пулеметов, она происходит вроде как в розницу. Если вы внимательно читаете газеты, то поймете, что воюют все, на всех континентах. Объяснения самые разные – что-то не поделили, какие-то племена выясняют отношения, кто-то от кого-то отделяется, чьи-то интересы задеты. А принцип совершенно идиотический – эпидемия. Люди, жившие веками бок о бок, начинают выяснять, что они

принадлежат к разным этническим группам и начинают убивать соседа. Никакой материалистической логике это не поддается.

– Вы замкнутый человек?

– Да, достаточно. Я не бываю в обществе, во всевозможных заведениях – то, что называется нынче всеобъемлющим словом «тусовки». Скучно, неинтересно, категорически неинтересно. Я никогда не скучаю в одиночестве, всегда есть что делать.

– Что читаете?

– В основном перечитываю. Уже тот возраст, когда не хочется чего-то нового, хочется лучше разобраться в старом и прочесть то, что когда-то не дочитал. Хватает того, а не современной литературы. ■

Из досье «НГ»
Александр Артемович Адабашьян родился 10 августа 1945 года. Окончил Московское высшее художественное училище (Строгановка). Создал сценарии к фильмам Никиты Михалкова «Неоконченная пьеса для механического пианино» (1977), «Транссибирский экспресс» (1978, Государственная премия Казахской ССР), «Пять вечеров» (1979, снимался так же как актер), «Несколько дней из жизни Обломова» (1980). Снимался в фильмах «Город принял» (1980), «Полеты во сне и наяву» (1983), «Московские каникулы» (1995), «Президент и его внучка» (2000). Визитной карточкой актера Адабашьяна стала роль Бэримора в «Собаке Баскервилей» (1983). Выступил режиссером в фильме «Мадо, до востребования» (1982, производство Франция). Постановщик «Бориса Годунова» в Мариинском театре. Заслуженный художник РСФСР (1982). Женат, две дочери, внук. С кинематографом, по его словам, «слава богу, не связаны».

Ни наше, ни западное телевидение мне категорически не нравится

согласились на этот телепроект?

– Это не совсем телевидение, это все-таки телевизионный фильм, не совсем сериал. Там была большая смета, была возможность снимать в более-менее приемлемые сроки. Телевидение как запланированная халтура, когда снимают где попало, в своих костюмах, с двух камер, с приблизительным светом, без репетиций, – это мне кажется деградацией профессии. Ни наше, ни западное телевидение мне не нравится. Категорически.

– Какие у вас к нему претензии?

– Я не понимаю, к кому они обращаются. Понимаю, что основная задача – заработать. Заработать для того, чтобы иметь возможность воспроизводить

ты выучишь буквы, склонения, спряжения, ты сможешь писать поэмы. Или доносы. Или права по эксплуатации утюгов. Все это делается из одного и того же словарного запаса. Грамотность – одна и та же, как для Пушкина и Толстого, так и сочинителя меню. Если человек ею владеет, то остальное – уже вопрос таланта, того, как он будет ее использовать. С режиссером Андреем Добровольским, с которым мы ведем вместе курс, стараемся приучить студентов к этому – научиться связно выражать свои мысли на экране.

– Вас волнует то, что о вас говорят, пишут?

– Не особенно. Есть люди, которые ко мне относятся хорошо, есть те, что плохо.

– А что вас волнует, что потрясло в последнее время?